

«ОДНОГО ГОЛОСА ДЛЯ ПЕВЦА МАЛО»

Пятидесятилетний Зураб Соткилава уже шестнадцать сезонов поет в Большом театре СССР, где он занят в ведущих партиях в классических и современных оперных спектаклях. Имя его сегодня украшает афиши крупнейших театров и концертных залов мира — Парижа и Чикаго, Болоньи и Софии, Лондона и Милана, Буэнос-Айреса и Праги. Его можно увидеть и на обложках многочисленных дисков, выпущенных фирмами грамзаписи на родине и за рубежом.

Предлагаем беседу корреспондента ИАН с Зурабом СОТКИЛОВОЙ.

— Когда итальянский меломан хочет описать качества, которыми должен обладать певец, он молча показывает на голову, горло и сердце. Согласны ли вы, что одного голоса для певца мало?

— Безусловно, согласен! Обаяние голоса не в его силе, а прежде всего в его выразительности. У слушателей должно создаваться впечатление, что певец ласкает каждую ноту, что ему жаль расставаться с нею. Именно обилие цвета и красок привлекает нас в искусстве итальянских певцов. Кроме того, современный певец в идеале — мыслитель. Например, чтобы стать достойным исполнителем сложнейшей партии Отелло, надо проникнуть в высокий мир идей Шекспира, оценить богатство музыкальных ассоциаций композитора, проанализировать сценическую историю оперы. И еще. Нельзя щадить себя на сцене. Как говорил маэстро Барра, мой наставник во время стажировки в Ла Скала: «Надо согреть самому, чтобы хоть одному стало тепло в зале».

— Как вы пришли в большую музыку?

— Я грузин, и пение в крови моей нации. И в наши дни, когда слушателей захлестывает механически воспроизводимая музыка, в Грузии сохраняются обычаи ансамблевого пения а'саре́лла, не говоря уже о культивировании хоров и фольклорных коллективов. Скажу, что всегда испытываю счастье, исполняя грузинские народные песни, неизменно восторженно принимаемые аудиторией: ведь истинно национальное — интернационально...

— Исполняя столь обширный репертуар для тенора мирового класса, в чем видите свое движение как певца?

— Оперное искусство необычайно сложное. Поэтому вопрос совершенствования не праздный. Кропотливая работа над голосом, изучение музыкальной литературы, поиск в себе самом скрытых возможностей — вот, по-моему, главные компоненты совершенствования певца. Большую

роль здесь играет уровень исполняемого произведения, ибо общение с высоким искусством никогда не позволит певцу остановиться в развитии, обязательно поведет за собой.

— Я признаю и ценю действие декораций на публику, писал когда-то Ф. Шалляпин. Какую роль в создании образа играют для вас декорации и костюм?

— Раньше мне было все равно, что на мне и что за мной, — было бы удобно играть и петь. Спектакль Большого театра «Бал-маскарад» Верди, оформленный Н. Бенуа, убедил меня в необходимости гармонии на оперной сцене — музыки, живописи, поэзии. В этом на меня большое влияние оказал талантливый художник, с которым я подружился еще в Милане, часто встречался в Москве.

— Отвергаете ли вы современное прочтение оперной классики?

— Не всегда. Я бы сказал так. Во время своих зарубежных гастролей я видел Аиду на фоне танков, Хозе на мотоцикле, Риголетто за стойкой бара. Но один только раз, пожалуй, перемещение оперной классики во времени и пространстве не вызвало у меня негативной реакции. Летом 1982 года я спел арию Каварадосси в Англии. Постановщик спектакля «Тоска» антифашист Дж. Кокс перенес время действия оперы из XVIII века в 1942 год. Скарпия и полицейские были в форме гестапо, в его кабинете висел портрет Муссолини, который срывала Тоска после убийства злодея. Здесь модернизация, как мне кажется, была оправдана.

— Каким вам представляется назначение оперы сегодня?

— Современное оперное искусство, по-моему, отключается на события наших дней несколько ретроспективно и в этом смысле отстает от драматического театра. Тем не менее актуальность оперы как жанра несомненна. Своим прекрасным, взволнованным языком она говорит нам о непреходящих ценностях — о

любви к Родине, своему дому, детям, верности долгу, самопожертвовании. Исполняя партии Радамеса в «Аиде» и Манрико в «Трубадуре» Верди, Турридду в «Сельской чести» Масканьи и Миндия в одноименной опере Тактакишвили, я часто думаю о миссии оперы сегодня как школы, воспитателя человеческого духа.

— Говоря о воспитательном значении оперы, имеете ли вы в виду и юного зрителя?

— Несомненно! Но чтобы эффект влияния на него был сильнее, нужна некоторая подготовка. Об этом мы еще недостаточно думаем. А ведь, к примеру, в театрах Италии и даже таком знаменитом, как Ла Скала, один-два раза в месяц идут «взрослые» спектакли для детей. О дне спектакля их извещают заранее, ведут с ними беседы о либретто, композиторе, исполнителях. В одном из таких спектаклей я пел партию Отелло. Меня поразило внимание детской аудитории, точность и раскованность ее реакции. Мне кажется, не только наши музыкальные театры, но и телевидение, и радио не исчерпали еще всех своих возможностей в деле приобщения детей к опере, вообще к большой музыке.

— Недавно я была на благотворительном вечере молодых певцов и певиц, который вы проводили как ведущий. В этом качестве вы часто выступаете и в телевизионном «Клубе любителей оперы». Не говорит ли это о том, что вы непосредственно участвуете в музыкальном воспитании молодежи?

— Да, я стремлюсь к этому. Правда, я уже не преподаю в консерватории, но порой беру под свое крыло молодых артистов. И прежде всего стараюсь им прививать качества разносторонности оперного артиста. Я стремлюсь доказать, что певец — центральная фигура оперы, что именно через него зритель приобщается к замыслу композитора, дирижера и режиссера, что артист оперы ограничивать себя только вокальной стороной не имеет права. Сценический профессионализм и культуру можно и должно воспитать, что я и стараюсь сделать, передавая то, что сам имею. Ведь сегодняшние студенты консерватории, молодые артисты музыкальных театров и филармоний будут творить в XXI веке. И так важно, что они принесут из нашего XX.

Татьяна ДМИТРУК.